УДК 821.0 (821.512.151)

С. В. Иванова¹, У. Н. Текенова²

Проблема передачи индивидуального стиля писателя в художественном переводе: на материале повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия,

²Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены язык и стиль, особенности их передачи при переводе с алтайского языка на русский и якутский языки повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина. Проанализированы особенности индивидуального стиля прозаика: система культурных взглядов, художественные приемы, способы их сохранения при переводе, методы трансформации образов с языка оригинала на русский и якутский языки. Авторы попытались рассмотреть лингвопоэтически эквивалентные, так и лингвопоэтически неэквивалентные примеры из текстов переводов на русский и якутский языки анализируемой повести, обладающие художественными достоинствами. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки переводческих стратегий, которые могли бы применяться при переводе текстов с родственных тюркских языков на якутский язык. Перевод художественных произведений, в которых отображаются особенности национального менталитета, обычаи и традиции, способствует взаимообогащению литератур, расширению сферы межнационального общения, воспитанию культуры межнационального общения. Цель исследования – выявить лексико-грамматические и стилистические особенности, отличающие авторский стиль (идиостиль) Д. Каинчина в повести «Пепел звезд». Задачи – проследить методы и способы, примененные переводчиком для сохранения стиля писателя на переводящих (русском и якутском) языках, опираясь на научные данные о переводе в смежных дисциплинах (лингвистика и литературоведение); осмыслить сущность художественного перевода и своеобразие индивидуального стиля писателя. В работе использован сравнительно-сопоставительный анализ оригинала произведения и его переводов на русский и якутский языки. Сравнительно-сопоставительный анализ произведения Д. Каинчина с его переводами позволил оценить адекватность передачи различных аспектов индивидуального стиля писателя. Также авторы пришли к выводу, что некоторые образы-символы, изобразительные средства, использованные в произведении, имеют общетюркские корни.

Ключевые слова: лингвистика и литературоведение, лингвопоэтика, язык писателя, стиль писателя, образы-символы, переводчик-билингв, алтайско-русский перевод, русско-якутский перевод, художественный перевод, способы перевода.

DOI

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sargylana Vladimirovna – Ph.D., Associate Professor Associate Professor of the Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТЕКЕНОВА Ульяна Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета.

E-mail: tekenovau@mail.ru

TEKENOVA Ulyana Nikolaevna – Ph.D., Associate Professor Associate Professor of the Department of Altai Philology and Oriental Studies, Faculty of Altaistics and Turkology, Gorno-Altai State University.

S. V. Ivanova¹, U. N. Tekenova²

The problem of transmitting the individual style of the writer in literary translation: based on the material of the story "Ashes of the Stars" by Dibash Kainchin

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia²Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article discusses the language and style, the features of their transmission when translating from the Altai language into Russian and Yakut languages of the story "Ashes of the Stars" by Dibash Kainchin. The features of the individual style of the prose writer are analyzed: the system of cultural views, artistic techniques, ways of preserving them in translation, methods of transforming images from the original language into Russian and Yakut. The authors tried to consider linguopoetic equivalent and linguopoetic non-equivalent, although having artistic merit, examples from the texts of translations into Russian and Yakut languages of the analyzed story. The relevance of the research topic is due to the need to develop translation strategies that could be used when translating texts from related Turkic languages into the Yakut language. The translation of works of art that reflect the peculiarities of national mentality, customs and traditions contributes to the mutual enrichment of literature, the expansion of the sphere of interethnic communication, the education of the culture of interethnic communication. The purpose of the study is to identify lexico-grammatical and stylistic features that distinguish the author's style (idiostyle) Dibasha Kainchina in the story "Ashes of the Stars". The tasks are to trace the methods and methods used by the translator to preserve the writer's style in the translating (Russian and Yakut) languages, based on scientific data on translation in related disciplines (linguistics and literary studies), to comprehend the essence of literary translation and the originality of the writer's individual style. The paper uses a comparative analysis of the original work and its translations into Russian and Yakut languages. A comparative analysis of the work of Dibash Kainchin with his translations made it possible to assess the adequacy of the transfer of various aspects of the writer's individual style. The authors also came to the conclusion that some images-symbols, visual means used in the work have common Turkic roots.

Keywords: linguistics and literary criticism, linguopoetics, writer's language, writer's style, images-symbols, bilingual translator, Altaic-Russian translation, Russian-Yakut translation, literary translation, translation methods.

Введение

В многонациональной России перевод художественных произведений, в которых отображаются особенности национального менталитета, обычаи и традиции, образ мыслей, взгляды на окружающую действительность и взаимоотношения людей, способствует взаимообогащению литератур, расширению сферы межнационального общения, воспитанию культуры межнационального общения. Литературовед Н. М. Киндикова, отмечая генетическую связь литератур сибирского региона и тюркских литератур России, акцентирует внимание на их типологические связи с другими литературами [1]. Известно, что национальная литература и искусство народов России способствовали установившимся отношениям дружбы и сотрудничества между народами, их

духовному родству во многом. Именно взаимоперевод художественных произведений, а точнее, переводческая деятельность, играет важную роль в сближении народов. Как справедливо замечает А. М. Каторова, «в последнее время наблюдается снижение изданий переводной литературы, обусловленное объективными и субъективными причинами (изменением идеологических ориентиров и экономических условий, недостаточным вниманием государственных структур к развитию всей художественной литературы, утратой традиций школы художественного перевода, отсутствием целенаправленной подготовки переводческих кадров с языков народов России), может привести в конечном итоге к постепенному исчезновению литератур малочисленных народов, обеднить национальное многообразие, чем мы привыкли гордиться» [2, с. 554–562].

Методология и методы исследования

В исследовании применен сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и его перевода, историко-культурный методы исследования.

Методологический характер статьи определяется новым ракурсом изучения объекта. Билингвизм, отраженный в художественном тексте повести, исследуется в его обусловленности историколингвокультурной универсальностью – русско-национальным двуязычием и общекультурными процессами. Впервые объект изучается в данном аспекте с анализом одновременно трех культур (алтайской, русской и якутской).

Обсуждение

Проблема эквивалентности перевода оригиналу является одной из центральных проблем переводоведения. В данном разделе также ставится вопрос о переводе произведения словесно-художественного творчества: передача идейно-художественного содержания и создания определенного эстетического эффекта с «целью коммуникации».

Если говорить о переводной литературе, то справедливо и актуально звучат слова П. Топер о том, что в национальных литературах бывшего СССР многие писатели занимались переводами без знания языка, пользуясь лишь подстрочными переводами [3]. Произведения Д. Б. Каинчина и раньше печатались на русском и других языках народов России в переводе А. Плитченко, А. Кузнецова, В. Сеницына, Д. Константиновского, А. Китайника, Е. Гущина, К. Каинчиной, О. Марковой и др. Все подстрочники к своим произведениям писатель готовил сам. Некоторые из изданных ранее рассказов и повестей были отредактированы самим автором и опубликованы. Следует заметить, что эти произведения стали более близки к оригиналу, и читателю, носителю языка оригинала, стало интереснее читать их и в переводе.

Повесть «Пепел звезд» («Үлүсүтүр коҕу») Д. Каинчина (1938–2012 гг.) написана на родном языке и впервые была опубликована в литературно-художественном альманахе «Эл-Алтай» в 1992 г. (№ 1, 2). В полном объеме она была напечатана только в 1994 г. в очередном сборнике писателя «Карган тыт» («Старая лиственница») [4]. В 2006 г. повесть издается на русском языке в переводе самого автора и его дочери Кемени Каинчиной [5]. В заключительных строках отмечено место и дата: «Яконур-Улала, 1992–2004 гг.». Отсюда видно, что писатель работал параллельно над переводом своей повести, когда готовил к изданию оригинал текста. В 2009 г. в г. Якутске выходит в свет издание произведения на якутском языке «Умүлүбүт сулустар күллэрэ» в переводе С. Н. Горохова [6].

Историю перевода повести на якутский язык мы нашли в журнале «Илин» за 2006 г., где впервые был напечатан отрывок из перевода [7]. С. Горохов познакомился с Д. Каинчиным во время отдыха в Горном Алтае. Они обменялись своими книгами и С. Горохов загорелся идеей перевести на якутский язык произведения Каинчина. Как пишут редакторы журнала «Илин» в предисловии текста: «...отношение к природе, олицетворение природы, образное и философское мышление [героев повести] близки к якутам. Описываемое в повести стремление главного героя – кагана к сохранению родного народа и в наш век волнует и притягивает читателя» [7, с. 18].

Переводы на русском и якутском языках сопровождаются иллюстрациями алтайского художника С. Дыкова с изображениями событий древнетюркского периода, которые разделяют каждую главу, что облегчает чтение и способствует восприятию содержания. Это является еще одним средством общения с художественным миром произведения.

Дибаш Каинчин обращается к далекой истории древних тюрков и создает впечатляющую картину, как бы проводя реконструкцию прошлого в его событийной фактуре. О замысле исторического полотна упомянуто во вступлении к повести на русском языке, произведение имеет кольцевую композицию – в финале повести, как и в начале, читатель оказывается в реальной жизни, повествование опять идет устами автора.

Тема древних тюрков, персонифицированная в образе кагана Ак-Кун, получает развитие в контексте мировоззренческих исканий позднего Каинчина, испытывая влияние этико-философских убеждений и предубеждений автора. Работая над повестью, автор параллельно создает рассказ на историческую тему «Ченелте» («Испытание», 2004 г.).

Сюжет повести «Пепел звезд» разворачивается так, что подвиги, дерзкие набеги, походы войска Ак-Кун совершаются в пределах территории современного Горного Алтая и его соседних территорий. Все это подтверждается названиями мест, где происходят основные события повести (знаменитая долина Пазырыкских курганов, Белтир, Куркурек, Красные Ворота, Дьал-Менку – Вечная Грива, Уч-Сумер и т. д.).

Нельзя не коснуться проблемы билингвизма в алтайской и якутской литературах. Д. Каинчин является писателем и переводчиком-билингвом – «носителем двух систем общения» [4, с. 29], а С. Горохов – журналист, писатель и переводчик, перевел на якутский язык произведения В. Санги, Х. Ходжер, а также казахских и алтайских писателей. Крупными переводами являются книги В. Серошевского «Якуты» и «Якутские рассказы» и др. [7]. До настоящего времени в региональном литературоведении феномен двуязычия писателя остается вне научного поля исследователей. Далеко не все писатели обращаются к художественному переводу других авторов, тем более к авторскому. Заметим, что Д. Каинчин является писателем-переводчиком не только своих произведений, но и других авторов.

П. Топер справедливо отметил: «Чем крупнее творческая личность, создающая художественные ценности, тем значительнее его роль в литературной истории. Это в полной мере относится и к переводу и переводчику как участнику литературного процесса. Он не может быть нейтральным и незамутненным «передатчиком информации», в силу самой природы переводческого творчества он неизбежно выступает как сын своего времени и своего общества. Его творческая позиция, вне зависимости от его намерений (при сознательных намерениях это будет уже не перевод), неизбежно скажется на итоге его работы» [3, с. 39].

В данной статье рассматриваются авторский перевод на русский язык повести «Пепел звезд» и его перевод на якутский язык. По А. Поповичу, «перевод авторский – перевод произведения на другой язык самим автором. С точки зрения знаково-моделирующего положения по отношению к первичному тексту автоперевод нельзя считать вариантом оригинального текста. Он считается переводом в силу изменения ценностного и стилистическо-языкового поля, в которое попадает прототекст» [8, с. 187]. Д. Каинчин к переводу своих произведений пришел уже в достаточно зрелом возрасте. Как отмечает М. К. Кабакчи, автор, владеющий языком перевода, в случае позитивности всех прочих условных и безусловных факторов «авторизованности» перевода, может существенно облегчить и оптимизировать переводческий процесс путем собственного в нем участия и обеспечить, таким образом, более высокую адекватность и эквивалентность вторичного текста [9].

При этом нужно отметить, что это не единственное произведение, переведенное самим автором. Обратим внимание на небольшой отрывок из вступления повести и попробуем провести сопоставление перевода и оригинала:

«Бу өзөк – агару јер, байлу јер (1). Мында кайдөбөн лө көрзөн, чоҕынты корымдар чөркөлижет – олорто кагандардын мөҥкүлери (2). Мынын учун бу јерди Улу Кагаандар Өзөҕи деп адаганы бир де кайкамчылу эмес (3). Јаңыс сөслө, кагаан болзон – мөҥкүн мында, кагаан эмес болзон – өскө јерде (4)» [3, с. 6]. В издании на русском языке из этого отрывка более близкий к оригиналу перевод имеет только последнее предложение: «Словом, если ты каган, то твое вечное ложе здесь, а если нет, то лежать костям твоим в другом месте» [4, с. 12]. Дословно эта фраза звучит так: «Одним словом, если каган (ты) – могила (твоя) здесь, если не каган – в другом месте» (пер. наш). В табл. 1 представлены переводы на русский и якутский языки.

Таблица 1

Сопоставление фрагмента повести Д. Каинчина и переводов на русский и якутский языки

Текст оригинала	Перевод на русский язык Д. и К. Каинчиных	Перевод на якутский язык С. Горохова
Бу өзөк – агару јер, байлу јер [4, с. 1]. Мында кайдөбөн лө көрзөн, чоҕынты корымдар чөркөлижет – олорто кагандардын мөҥкүлери [4, с. 2]. Мынын учун бу јерди Улу Кагаандар Өзөҕи деп адаганы бир де кайкамчылу эмес [4, с. 3].	По самой середине тянулась темная цепь круглых курганов, неровно чернели точки каменных балба- лов – из-за них-то земля эта и назы- валась Долиною великих Каганов; священная эта земля, заповедная, ибо здесь могилы – вечные ложа великих предков, тут покоится их дух, тут юрты их душ, живет их таинственный мир – именно здесь продолжается истинная нескончае- мая жизнь, для которой их родили и забрали к себе Небо и Бог-Кудай [5, с. 9-10].	Хочо ортотугар төгүрүк булгун- няхтар боруоран көстөллөрө, сымара таастар онно-манна хараараллара. Ол да иһин бу сир Улуу Каганнар хочолору- нан аатырар. Бу тытыллыбат ытык сир, манна улуу өбүгэлэр үй-саас тухары көмүллэ сытар унуохтара харалла сытар, манна кинилэр тыыннара, дууһалара, кистэлэннэх эйгэлэрэ баар, ман- на Халлаан уонна Кудай Танара кинилэри төрөтөн-ууһатан баран, бэйэлэригэр төттөрү ылбыт уһуга билибэт дьиннэх олохторо салҕанар [6, с. 3-5].

Как мы заметили, в силу объективных различий между языками переводчики допускают перестановку слов, выражений, предложений, вносят дополнения, что подтверждает мысль П. Топера о том, что «при переводе передается не само языковое сообщение, а экстралингвистическая действительность, в нем заключенная, то есть происходит интерпретация сообщения, подлежащего переводу. Тем самым переводчик создает на основе экстралингвистической реальности новое языковое сообщение, которое эту действительность (заключенную в оригинале) отражает» [3, с. 141].

Переводчики не пытаются переводить дословно или буквально воспроизводить написанное в оригинале, обращаются к различным формам стилизации или импровизации с целью достижения историко-культурного правдоподобия и достоверности состояний героев [10].

Автор и переводчики придерживаются способа передачи идейно-художественного содержания произведения, обращаясь к разным повествовательным типам и их лингвопоэтическим разновидностям. Следовательно, и в переводе с оригинала на русский язык, и с русского языка на якутский язык наблюдается отражение тематико-стилистической неоднородности подлинника, что и на русском, и на якутском языке повесть «Пепел звезд» оказывается таким же высокохудожественным и эквивалентным оригиналу.

Текст повести на алтайском языке представляет собой лингвопоэтически насыщенные разновидности повествовательного типа («описание», «рассуждение» и «волеизъявление») [2, с. 172–185]. Обратим внимание на такие языковые средства, как сравнение, метафора, эпитет, часто встречающиеся в тексте оригинала и перевода. Примеры из первой части произведения в табл. 2.

Таблица 2

Изобразительно-выразительные средства в тексте оригинала и переводах

Оригинал	На русском языке	На якутском языке
Өзөктин чике ортозыла тыйрыйа аккан суу база кызарып калтыр. Чек ле кызара аккан кан [4, с. 6]	Точно в середине долины, извиваясь, текла река, которая тоже покраснела. Краснея, словно текущая кровь [5, с. 7]	Хочо хабайар хаба ортотугар өрүс эмиэ кытара сүүрүгүрдэ сытара. Хаан курдук, кытара [6, с. 8]
...а внизу, на дне долины, рассеченной, будто белым поясом, рекою Куркурек, было все сумеречно [5, с. 9]		Оттон аллара маҕан кур курдук субулла сытар Куркурек үрэх субулла сытар хочотун түгэбэр өссө да барыар этэ [6, с. 6]
«Ол кагып койгон казыктый көрүндү. Кажы ла жуучыл көскө көрүнбес армакчыла ого колболып калган» (описание полководца Алып-Нере, пояснение наше) [4, с. 7]	Каждый воин – вбитый кол, во главе его – десятник [4, 15]	Хас биирдии буойун сиргэ дьөлө анныллыбыт тоһоҕо курдук, кинини десятник салайар [6, с. 10].

В переводных текстах допускаются изменения и дополнения, например, Дибаш Каинчин при переводе на русский язык дополнил описание реки Куркурек.

Рассмотрим некоторые развернутые метафоры: *Серүүн толку Курч Тырмакты бу элбек өзөктин үстиле узак-узак айландыраар. ... Салкын канаттарында жымжак сыылар, кейдин агыны оны жалакай жайкаар* [4, с. 5], и их перевод, где тоже допускаются изменения, местами сокращения и дополнения, появляются новые сравнения: *Ни одно перышко не шевелится у старого беркута, не напрягается ни один мускул; долго его будет кружить воздушное течение, кружить над огромной и круглой, как казан, долиной, окруженной непрерывной стеной-изгородью высоких, со сверкающе-ледяными гривами гор* [5, с. 8] – *Кырдыаҕас хотой биир да туутэ илибирээбэт, биир даҕаны былчыҥа күүрбэт, кинини салгын сүүрүгэ чабылхай муус хайалар быстыспат үрдүк эниэлэрэ курдаабыт, иһит курдук төгүрүк хотооллорун үрдүнэн өр да өр элиэтиэҕэ* [6, с. 5].

Образы, представленные метафорами алтайского языка, совпадают с образными представлениями носителей якутского языка, поэтому при переводе языковых метафор наблюдается полная эквивалентность.

Эпитеты: *«Араайынан ай чыгар. Айры мүүстү сыгын арка түбинен чыгып келеле, туку четтерди жулдай сүзүп, күчин ченеп, мүүстерин курчыдар...»* [4, с. 18]. / «Тихонько взойдет луна. Марал, с ветвистыми рогами выйдя из глубины леса, будет бодать молодые лиственницы, испытывать свою силу, точить свои рога» [пер. наш]. / *Ыйданалаах түүн. Лабаа курдук адаархай муостаах чубуку ойууртан тахсан кэлэн, титириги кэийэлээн, муонун сытыыланар* [пер. наш]. В русскоязычном издании: *Вот из-за седловины взойдет луна, выйдет из темноты леса марал, и будет точить себе рога,*

тук-ток! – громко ударяя ими об эту старую лиственницу» [5, с. 32-33]. В якутском издании: «Ол ыгыыр хайа кэтэбиттэн ый быгыаҕа, хараҥа ойуур иһиттэн марал ойон тахсан муоһун оол кырдыаҕас тиит маска тук-ток аалыныаҕа» [6, с. 22]. В якутском тексте слово *марал* можно было заменить якутским эквивалентом *чубуку*, но С. Горохов для передачи иносациональной окраски оставил слово *марал*.

Другой пример: «*Алтан алты канатту ак кийис айылды кулдар кече ле тургускылап ийген*» [4, с. 18]. – *Шестидесяти шестикрылый войлочный айыл рабы вчера только поставили* [пер. наш]. В переводе автора это предложение тоже претерпевает изменения и дополнения: *Неподалеку развевался, будто облако, шестидесяти шестикрылый шелковый шатер-дворец. Его успели возвести к вечеру ...* [5, с. 35]. – *Чугас алта уон алта кырылаах, солко сабыылаах дыбарыас тыалга былыт курдук тэлиминир. Ону бэҕэһээ кизһэ туруорбуттара* [6, с. 25]. С. Горохов слово *крылья* заменил словом *кырыы* (границы), тем самым достиг передачи большого размера шатра.

В переводе Д. Каинчина и К. Каинчиной используются разные стилистически маркированные единицы, но при этом сохраняются повествовательный тип и лингвопоэтическая разновидность (за счет различных сравнительных оборотов и метафор).

В тексте изобилуют стилистически возвышенные слова, обороты и предложения, например: 1. *Алты куннег отпый Ак-Куннинг алтын чакызын айлана турар керек...* [4, с. 46]. – *... дня через три придут к золотой коновязи Великого Повелителя* [5, с. 68]. – *Ус кунунэн Улуу Баһылык көмүс сэргэтигэр тийиэн кэлиэхтэрэ.* 2. *Ээ, эмди ончозын Өрө турган Көк билер...* [4, с. 15]. – *Сейчас все в руках Неба...* [4, с. 27]. – *Билигин барыта Халлаан илиитигэр.* [5, с. 28]. 3. «*Сен Улу каган болотон кижил! Сен бойыҥа эмес, сен бистерге Күн адын аданган улу кагандар уйагына керек. Аккан каныс – сенде, артар тазылыс – сенде. Сен бойыҥды сананбай, келер улу ойди санан, улу амадуны, улу жүрүмди санан! Бийик бол! Терен бол! – деер*» [4, с. 74]. – *Ты не себе принадлежишь, ты нужен нам, каганам по имени-роду Солнце-Кун! В тебе – наша кровь, в тебе – наша судьба, в тебе – наши мечты и чаяния. Только в тебе – великие подвиги предков, их духи и души. Ты не думай о своей жалкой жизни, думай о нас: о высокой цели думай, о великой вечной жизни. Высоким будь в жизни, как Небо, глубоким будь в думах, как Океан*» [5, с. 158]. – *Эн бэйэҕин бэйэҥ билиммэккин, эн Күн диэн ааттаах-суоллаах каганнарга биһиэхэ наадабын. Биһиги хааммыт – эйиэхэ, биһиги дьылбабыт – эйиэхэ, биһиги баҕа санаабыт уонна инникибит – эйиэхэ. уонна. Өбүгэлэрбит улуу хоодуот быһыылара, кинилэр өйдөрө-санаалара уонна дууһалара. Эн бэйэҥ кыракый олоххун санаама, биһиги туспутунан санаа, үрдүк сыал, өлбөт-сүппэт улуу олох туһунан толкуйдаа. Олоххор Халлаан курдук үрдүк, толкуйгар Акыйаан курдук дириг буол* [6, с. 105].

Исходя из данного сравнения, мы наблюдаем, что при некоторых незначительных несоответствиях идейно-художественное содержание данной фразы в переводе на русский и якутский языки не теряет своей окраски, местами становится более эмоциональным как за счет усложненного синтаксиса, так и в силу добавленных в них смыслов и сравнений. Все три текста передают сходное идейно-художественное содержание и производят эстетический эффект, несмотря на различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках.

Смешение времен и сближение далекого прошлого с художественной эпохой прозаика, являясь условной, иносказательной целью, придает особое изящество его поэтической мысли. Д. Каинчин устами главного героя кагана Ак-Кун формирует «ценностный центр» тюркских народов («смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей его действительности» М. М. Бахтин).

В выборе слов писатель и переводчики опираются на исключительное знание языка устного народного творчества – фольклора. В частности, в повести встречаются

поговорок, пословиц и выражения, которые при переводе претерпели лишь незначительные изменения:

1. *Албатынын ортозында жүр. Јангыс агаш жыгылчан, јангыс кижи – базынчык. Калын арканын ортозында чирик те тыт узак турар* [4, с. 77]. – *Живи среди народа. В густом лесу и тухлявое дерево долго стоит* [5, с. 166]. – *Норуоккун кытта олор. Хойуу тыаҕа эмэбирбит да мас уһуннук турар* [6, с. 111]. 2. *Кижиге јаар түкүрбө. Түкүригин бойына једер»* [4, с. 77]. – *Не плюй на человека – попадешь в себя* [5, с. 167]. – *Киһиэхэ силлээмэ, силин бэйэбэр түһүөҕэ* [6, с. 111]. 3. *Бозогого отурба. Бойынды кул деп бодогонун* [4, с. 77]. – *Не садись возле порога, там место раба* [5, с. 166]. – *Холумтан таһыгар олорума, ол кулут миэстэтэ* [6, с. 111]. 4. *Бойынды тууча деп бодонбо, улусты туулакча деп бодобо* [4, с. 77]. – *Себя не возноси выше горы, других не принижай ниже подстилки* [5, с. 167]. – *Бэйэбин хайатааҕар үрдүктүк тутума, атыттары угуннаҕан анныгар уктума* [6, с. 111]. 5. *Јангыс тилдүни – јакшы көр. Јангыс тилдү – угы јангыс, јангы јангыс, каны јангыс, салымы јангыс* [4, с. 119]. – *Люби единоутробного, люби единоплеменного, люби своего сородича. У вас одна кровь, одни желания, одни помыслы, одна жизнь* [5, с. 118]. – *Бииргэ төрөөбүккүн таптаа, биир тыллааххын таптаа, төрүккүн таптаа. Эһиги биир хааннааххыт, биир баҕалааххыт, биир санаалааххыт, биир олохтооххут* [6, с. 62].

Как видно, поговорки и пословицы были переданы на якутский язык способом семантического калькирования не менее образно, с соблюдением узусов якутского языка.

Художественный принцип контрастного изображения предстает одной из доминантных черт стилизованного рисунка произведения. Антитеза и контрасты в произведении проявляются иногда с первых же строк. В данном случае стержнем являются взаимоотношения в алтайской (тюркской) семье, национальный менталитет, религиозное мировосприятие народа, выражая богатство языка и вековую мудрость народа:

1. *Эмди одус јылдан ажыра коҗо јуртайла, экү эптеҕип, эһтеҕип калды. Келе-келе, Ай-Кааҕы Ак-Күнге энезиндий билдирер болды. <...> Ай-Кааҕы атка – чакы, айылда – очок, јүрөккө – эм...* [4, с. 31]. – *Вот тридцать лет они вместе. Стали почти одним: как река и ее приток, как казан и очаг, как седло и потник, как нож и ножны* [выделено нами] [5, с. 63] – *Дьэ, оһон отут сүл бииргэ олордурар. Иккиэн арахсыспат тэнгэ буоллурар – өрүс уонна кини салаатын, оһох уонна холумтан, ыһгыр уонна бото, быһах уонна кыһын курдук* [6, с. 42].

2. *Бу јүрүмдө От ло Суунан јаан неме јок. От – күйдүрөр. Суу – өчүрөр. Олор экү качан да биригипес. Мынан бодозо. Ак ла Кара, Јакшы ла Јаман, Јарык ла Карангуј коштой јүргүлөйт. Олор база биригип болбос. Је Јакшынын учы – Јаманнын бажы. Јаманнын учы – Јакшынын бажы. Јарыктын учы – Карангујдын бажы* [4, с. 76] – *Огонь и Вода. В жизни нет ничего важнее и сильнее их. Огонь – жжсет, Вода – гасит. Они, как враги, и не могут быть вместе. Такие же противоположности: Черное и Белое, Хорошее и Плохое, Свет и Тьма. Но при этом, конец Хорошего – начало Плохого, окончание Светлого – начало Тьмы* [выделено нами] [5, с. 63]. – *Уот уонна Уу. Олоххо балартан ураты күүстээх туох да суох. Уот – сиир, Уу – умуруорар. Кинилэр өстөөх курдуктар, бииргэ буолар кыахтара суох. Үрүг уонна Хара, Үтүө уонна Мөкү, Сырдык уонна Харана курдук уун-утары тураллар. Ол эрэри, Үтүө түмүгэ – Мөкү сабаланыта, Сырдык түмүгэ – Харана сабаланыта* [6, с. 42].

Большое число исчезнувших в литературе и в жизни тем, оборотов и выражений приняло форму наставлений и нравочений, они явились средством приведения в соответствие этнического, этического и нравственного. Как известно, «бинарные оппозиции (жизнь-смерть, добро-зло, истина-ложь, мужское-женское, свет-тьма), ощущение двойственности мира и конкретного человека определяют во многом движение

художественной мысли. Двойной взгляд на одно и то же явление позволяет добиваться объемного зрения, полноты картины» [11, с. 58].

Заключение

Издание перевода повести с алтайского языка на русский, затем на якутский языки позволяет читателям услышать другой голос, разглядеть другую жизнь, глубиной XII–XIV веков назад, создает поле человеческого и культурного сближения. Писатель Дибаш Каинчин активно использует фразеологические обороты, поговорки, пословицы, тем самым демонстрируя разнообразие приемов введения и творческой обработки, сохраняя этноментальные константы своего этноса.

Таким образом, можно говорить, что тексты на русском и якутском языках отличаются высокохудожественным переводом, оказывающим на читателей такое же впечатление, как и оригинал, переводчики добились адекватности и в целом авторский стиль был сохранен.

Д. Каинчин сумел создать образную и достоверную картину из жизни древних тюрков и алтайского народа, показать на русском языке красоту и легкость языка произведения. Знание двух языков позволило автору самому осуществить адаптацию произведения на русском языке, обеспечив более высокую адекватность и эквивалентность вторичного текста.

Переводчик на якутский язык С. Горохов добился адекватности перевода и сохранения авторского стиля, положительную роль в этом сыграло то, что идеи и проблемы, затронутые в рассматриваемой повести, созвучны взгляду и мировоззрению тюркских народов. Каждый образ, каждая деталь переведены через авторское восприятие, но тем не менее переводчик еще и выражает собственное мировидение, мироощущение. В произведении прослеживается генетическая связь алтайского и якутского народов, поэтому не возникает проблема передачи национально-культурной специфики подлинника. В результате повесть, которая прошла через внутреннее восприятие писателя-билингва и писателя-переводчика, обогащаясь, оживает заново.

Л и т е р а т у р а

1. Киндикова, Н. М. Тюркские литературы: проблемы взаимодействия / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ. – 2012. – 196 с.
2. Каторова, А. М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития / А. М. Каторова. // *Oriental Studies*. – 2019. – №3 – С. 554–562.
3. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – Москва, 2001. – 253 с.
4. Каинчин, Ыбаш. Карган тыт / Д. Каинчин. – Горно-Алтайск, 1994. – 392 с. (На алтайском языке)
5. Каинчин, Д. Б. Пепел звезд / Д. Б. Каинчин. – Горно-Алтайск, 2006. – 287 с.
6. Каинчин, Д. Б. Умуллубут сулустар күллэрэ : перевод с якутского С. Н. Горохова / Д. Б. Каинчин. – Дьокуускай, 2009. – 197 с.
7. Тылбаасчыт сонун үлэтэ. – Илин (на якутском языке). – 2006. – №5 – С. 18.
8. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – Москва : Высшая школа, 1980. – 198 с.
9. Кабакчи, М. К. Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения / М. К. Кабакчи // *Вестник СПбГУ. Серия 9*. – Вып. 3. – 2011. – С. 111–117.
10. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия : билингвизма / Е. М. Верещагин. – Москва, 1972. – 160 с.
11. Писатели Якутии : биобиблиографический справочник. – Якутск : Бичик, 2019. – 719 с.

References

1. Kindikova, N. M. Tyurkskie literatury: problemy vzaimodejstviya / N. M. Kindikova. – Gorno-Altajsk : RIO GAGU. – 2012. – 196 s.
2. Katorova, A. M. Hudozhestvennye perevody i ih rol' v dialoge literatur narodov Rossii na sovremennom etape razvitiya / A. M. Katorova. // Oriental Studies. – 2019. – №3 – S. 554–562.
3. Toper, P. M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya / P. M. Toper. – Moskva, 2001. – 253 s.
4. Kainchin, Jybash. Kargan tyt / J. Kainchin. – Gorno-Altajsk, 1994. – 392 s. (Na altajskom yazyke)
5. Kainchin, D. B. Pepel zvezd / D. B. Kainchin. – Gorno-Altajsk, 2006. – 287 s.
6. Kainchin, D. B. Umullubut sulustar kylle : perevod s yakutskogo S. N. Gorohova / D. B. Kainchin. – D'okuuskaj, 2009. – 197 s.
7. Tylbaaschyt sonun ylete. – Ilin (na yakutskom yazyke). – 2006. – №5 – S. 18.
8. Popovich, A. Problemy hudozhestvennogo perevoda / A. Popovich. – Moskva : Vysshaya shkola, 1980. – 198 s.
9. Kabakchi, M. K. Bilingvizm kak klyuchevoj faktor avtorizirovannogo perevoda hudozhestvennogo proizvedeniya / M. K. Kabakchi // Vestnik SPbGU. Seriya 9. – Vyp. 3. – 2011. – S. 111–117.
10. Vereshchagin, E. M. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya : bilingvizma / E. M. Vereshchagin. – Moskva, 1972. – 160 s.
11. Pisateli Yakutii : biobibliograficheskij spravochnik. – Yakutsk : Bichik, 2019. – 719 s.